

S T U D I A P H I L O L O G I C A

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В. Я. Порхомовский

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ
И АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ
ЛИНГВИСТИКЕ

Том II

Издательский Дом ЯСК
Языки славянской культуры
Москва
2018

УДК 811
ББК 81
П 60

Утверждено к печати
Ученым советом Института языкознания РАН

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН, профессор В. А. Виноградов

Рецензенты:
член-корреспондент РАН, профессор А. В. Дыбо,
академик РАН, профессор В. А. Плунгян.

Порхомовский В. Я.

П 60

Очерки по исторической и антропологической лингвистике. Т. II. — М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2018. — 392 с. — (Studia philologica.)

ISBN 978-5-94457-338-4 (т. II)

ISBN 978-5-94457-339-1

В двухтомнике собраны работы В. Я. Порхомовского, опубликованные за многие годы его научной деятельности в различных изданиях — коллективных монографиях, журналах и сборниках статей. Эти работы охватывают широкий круг тем по сравнительно-исторической и антропологической лингвистике.

Во втором томе представлены работы по афразийскому (семитохамитскому) историческому языкознанию, генеалогической классификации африканских языков, рассматриваются системы и термины родства в афразийских языках, формирование языковой нормы в младописьменных языках, стратегии перевода Ветхого Завета на африканские языки.

УДК 811
ББК 81

*В оформлении переплета использован фрагмент композиции
Александра Григорьева «Свечение», 1995 г.*

ISBN 978-5-94457-338-4

9 785944 573384 >

© Порхомовский В. Я., 2018
© Издательский Дом ЯСК, 2018
© Языки славянской культуры, 2018

СОВРЕМЕННЫЕ ЮЖНОАРАВИЙСКИЕ ЯЗЫКИ И ПРОБЛЕМЫ СЕМИТСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ¹

Важность небольшой группы бесписьменных языков, распространенных на юге Аравийского полуострова и на острове Сокотра, для семитского и семито-хамитского сравнительно-исторического языкознания была осознана со значительным опозданием. Параллельно происходили изменения и в их генеалогическом статусе в рамках семитских языков.

Проблема генеалогической классификации современных южноаравийских языков (СЮА) оставалась дискуссионной на протяжении многих десятилетий. Когда эти языки (мехри, джиббали, харсуси, сокотрийский и др.) впервые попали в поле зрения семитологов, они рассматривались как специфическая южная группа диалектов арабского языка. Позднее стало очевидным, что различия между арабским языком и СЮА слишком велики, чтобы подобная трактовка могла быть сохранена. Тогда наиболее естественным подходом к их генеалогической классификации стало соединение этих языков в одну подгруппу с эпиграфическим южноаравийским (ЭЮА) в качестве непосредственного продолжения. Подобная точка зрения основывалась скорее на некоторых общих исторических и географических соображениях, чем на реальном анализе лингвистического материала, хотя были попытки объединять некоторые современные южноара-

¹ См.: «Язык: теория, история, типология». М., 2000, с. 493–501.

вийские языки с отдельными эпиграфическими языками или диалектами, в частности на основе противопоставления 'h'/'s' изоглосс.

Наиболее распространенной в настоящее время трактовкой генеалогического статуса СЮА является их классификация вместе с ЭЮА и эфиосемитскими языками в составе единой южнопериферийной группы семитских языков. Подробный обзор истории генеалогической классификации СЮА выходит за рамки данной статьи. Среди последних публикаций на данную тему отметим статьи [Rodgers 1991; Appleyard, in press], где дается подробная библиография по этой проблеме.

Что касается места СЮА в сравнительно-историческом семитском и семито-хамитском языкознании в целом, то прежде всего необходимо отметить, что по традиции сравнительно-историческое семитское языкознание всегда уделяло основное внимание классическим древним языкам. С другой стороны, ситуация в рамках семито-хамитского (афразийского) языкознания была совершенно иной, поскольку подавляющее большинство языков, относящихся к этой макросемье (берберские, кушито-омотские и чадские) являются бесписьменными или младописьменными. Эта ситуация способствовала повышению статуса бесписьменных современных языков и в семитских сравнительно-исторических исследованиях. Все это привело к росту интереса к СЮА, поскольку языки этой группы в меньшей степени были включены в процессы языковых контактов и гетерогенной интерференции, чем, например, эфиосемитские языки.

Одной из наиболее очевидных архаических черт СЮА на уровне фонетики является наличие в этих языках латеральных и глоттализированных согласных. Еще в 1838 году Фульжанс Френель опубликовал в «*Journal Asiatique*» весьма точное описание произношения этих согласных на основании своих занятий с носителем одного из южноаравийских диалектов (эхкили) в г. Джидде [Fresnel 1838a, b]. Южно-

аравийские латеральные сибиллянты отмечались и другими исследователями XIX – начала XX века [Carter 1847; Glazer 1895; Jahn 1905], тогда как глоттализация была заново обнаружена Т. Джонстоном [Johnstone 1975; ср. также Юшманов 1930; Steiner 1977].

Так называемые эмфатические фонемы имеют разные фонетические реализации в семито-хамитских языках – они могут быть веляризованными, увуляризованными, глоттализированными, имплозивными (в двух последних случаях соответствующие фонемы являются двухфокусными), звонкими или глухими. Арабское произношение эмфатических согласных часто рассматривалось как прямое отражение общесемитских архетипов, в то время как эфиосемитская глоттализация считалась результатом кушитского влияния, хотя некоторые исследователи высказывались в пользу гипотезы об общесемитском характере глоттализации эмфатических согласных достаточно давно. Заново открытые южноаравийские глоттализированные согласные могут рассматриваться как решающий аргумент в пользу реконструкции глоттализации на прасемитском уровне. Более того, ситуация в сокотрийском языке, по всей видимости, является примером того, как мог произойти переход от протосемитской глоттализации эмфатических согласных к фарингализации арабского типа.

В сокотрийском языке представлены оба варианта произношения эмфатических согласных: смычные эмфатические согласные могут произноситься или как глоттализированные, или как фарингализованные (варианты такого рода могут встречаться даже в речи одних и тех же людей, но глоттализация преобладает), в то время как фрикативные согласные всегда фарингализованные [Наумкин, Порхомовский 1981, 12–13]. Подобное распределение объясняется тем, что глоттализированный фрикативный согласный фонетически не может существовать, это должна быть аффриката. Как показали исследования в области семито-хамитской

исторической фонетики, большинство семитских сибилантов, в том числе все эмфатические, восходят к прасемитским и прасемитохамитским аффрикатам (см.: [Diakonoff 1988; Diakonoff 1991–1992; Дьяконов, Порхомовский 1979; Diakonoff et al. 1993]).

В некоторых языках представлены так называемые глоттализированные сибиланты, отличающиеся от соответствующих глоттализированных сибилантных аффрикат, например, *s'* в языке хауса. Однако следует иметь в виду, что их нельзя считать фрикативными согласными в полном смысле по причине наличия смычки, в данном случае только глоттальной. В языке хауса эта фонема обозначается как *ts*, т. е. на слух она воспринимается как аффриката, в некоторых диалектах хауса она фактически реализуется как *ts'*.

Когда семитские глоттализированные (и, следовательно, двухфокусные) аффрикаты стали терять основной смычный элемент, одновременно они утратили и глоттальную смычку, которую заменила фарингализация. В арабском языке этот переход от глоттализации к фарингализации по аналогии распространился и на смычные эмфатические согласные. Сокотрийский язык с его фарингализованными фрикативными сибилантами и наличием глоттализированного и фарингализованного вариантов произношения смычных эмфатических согласных находится на более ранней стадии того же процесса.

Данные примеры показывают, что СЮА в некоторых важных аспектах фонетики являются более архаичными, чем арабский язык. Таким образом, СЮА способствовали изменению процедуры семитской реконструкции (это можно даже охарактеризовать как разрыв порочного круга), в соответствии с которой традиционное арабское произношение использовалось как модель для фонетической интерпретации графических систем классических семитских языков на основе регулярных соответствий. По сути дела в случае мертвых языков эти соответствия являются графическими,

но они имплицитно трактовались как звуковые соответствия. Затем эти самые соответствия использовались для протосемитской фонологической реконструкции. В результате фонетическая интерпретация прасемитских фонологических архетипов практически почти полностью воспроизводила традиционную арабскую фонетическую систему.

Возвращаясь к внутренней генеалогической классификации семитских языков, следует отметить, что наиболее сложные проблемы относятся к среднему уровню, т. е. к взаимоотношениям подгрупп наиболее близких языков – эфиосемитских, ЭЮА, СЮА, арабского, ханаанейских и т. д. [ср. Porokhomovsky 1988]. Наличие взаимно противоречивых изоглосс позволяет выдвигать разные модели классификации в зависимости от того, каким изоглоссам отдается предпочтение. Основная проблема заключается в том, что схождения или различия между семитскими языками могут объясняться тремя различными способами: 1) как сохранившиеся архаизмы, 2) как ареальные феномены, 3) как общие инновации. В соответствии со стандартной процедурой сравнительного языкознания только последний вариант может использоваться для внутренней генетической классификации, однако проблема интерпретации конкретных изоглосс в соответствии с одной из указанных трех возможностей представляет значительные трудности (ср. дискуссию по поводу изоглоссы ‘-k/-t’ в личных местоименных показателях суффиксального спряжения семитского глагола), Семитская видо-временная система всегда находилась в фокусе работ по генетической классификации семитских языков. При рассмотрении этой проблемы в настоящей статье особое внимание будет уделено роли СЮА.

При обсуждении вопроса о внутренней классификации семитских языков следующие изоглоссы всегда находились в центре внимания: 1) оппозиция – префиксальное/суффиксальное спряжение в перфективе; 2) распределение полногласных ($yV-qVt/t/Vl$) и неполногласных ($yV-qtVl$) глаголь-

ных основ при префиксальном спряжении. В СЮА представлены как полногласные, так и неполногласные формы префиксального спряжения, а также суффиксальное спряжение в перфективе. Эта комбинация изоглосс позволяет выдвигать самые различные предположения о возможных генетических связях СЮА с другими семитскими подгруппами. Однако значение этих изоглосс для внутренней генеалогической классификации можно оценить только на основе общей модели исторического развития семитской системы видов, времен и наклонений. Только таким образом возможно отличить общие инновации от независимо сохранившихся архаизмов.

Предлагаемый ниже анализ этих изоглосс основывается на нашей реконструкции семито-хамитской видо-временной системы. (Первоначальный вариант этой модели был представлен в докладе на II Международной конференции по семито-хамитским языкам, Антиб, 1994; см. также [Порхомовский 1996].) В соответствии с этой реконструкцией в качестве архетипа семито-хамитской и семитской глагольной системы предлагается трехчленная аспектная модель, которая включает:

а) старый перфектив (> аорист/юссив);

б) имперфектив;

в) новый перфектив (> перфект);

(О терминах 'перфектив', 'имперфектив', 'перфект' и т. д. см. [Diakonoff 1988]).

Данная трехчленная модель не является комбинацией из трех равноправных членов, а представляет собой иерархическую структуру, включающую три двучленных привативных оппозиции:

1) старый перфектив – имперфектив;

2) старый перфектив – перфект (новый перфектив);

3) новый перфектив – имперфектив.

В рамках бинарной аспектной оппозиции «*перфектив* – *имперфектив*» перфектив всегда является слабым, немар-

кированным членом. Поскольку глагольная система нуждается в «сильном» перфективе, последний дополняет первоначальную двучленную систему на очень ранней стадии. Способы образования этого нового перфектива существенно различаются в разных языках.

Вторая оппозиция: «старый перфектив – новый перфектив» на более позднем этапе может трактоваться как оппозиция «аорист – перфект». Как в первой, так и во второй оппозиции «первичный» старый перфектив является немаркированным членом, т. е. он оказывается самым слабым членом базовой трехчленной модели. В результате старый перфектив постепенно вытесняется из исходной аспектной оппозиции «*перфектив – имперфектив*», и принимает новые функции, которые могут различаться в разных языках.

Обычно эта форма используется как аорист, юссив, субъюнктив, в различных специфических синтаксических структурах, например, в качестве предиката придаточного предложения, перфектива в отрицательных конструкциях, в однородных сказуемых, следующих за главным, и т. д. В результате новый перфектив (перфект) становится единственным слабым (немаркированным) членом базовой оппозиции «перфектив – имперфектив», что опять вызывает необходимость в образовании «сильного» (маркированного) перфектива, поскольку на данном этапе он уже не представлен в глагольной системе, так что весь процесс может повториться еще раз.

Предложенная выше трехчленная аспектная система может рассматриваться для семитских языков как развитие исходной бинарной аспектной модели с апофоническим чередованием в основах префиксальных глагольных форм в соответствии с гипотезой О. Ресслера [Rössler 1950]. (Глагольные системы всех засвидетельствованных семитских языков соответствуют этой трехчленной модели, так что бинарную систему можно предполагать лишь как результат внутренней реконструкции на протосемитском уровне. На

практике при бинарной модели за скобки выводится или старый, или новый перфектив в зависимости от того, на какой стадии эволюции находится конкретная глагольная система. В результате возникает парадоксальная ситуация с тремя базовыми аспектами при бинарной схеме.) Модель Ресслера в настоящее время принята многими исследователями для семито-хамитских (Й. Фридрих, И. М. Дьяконов), кушитских (А. Заборски), чадских (Г. Юнграйтмайер) языков. Некоторые семитологи (М. Коэн, А. Клингенхебен) рассматривали аспектную оппозицию как вторичную (подробнее об этом см.: [Diakonoff 1988, 86]). Эти две модели не являются полностью взаимоисключающими, как это может показаться на первый взгляд. В принципе бинарная модель может трактоваться как развитие исходной глагольной системы, имеющей только одну финитную глагольную форму. Однако данные засвидетельствованных семитских языков не дают оснований для подобной реконструкции.

Что же касается реконструкции исходной бинарной модели для семитской и семито-хамитской аспектных систем, то, как это отмечалось выше, она противоречит сосуществованию одновременно двух перфективных форм во многих языках или очевидным следам «перфективности» в форме аориста/юссива/субъюнктива, что в конечном итоге определяется местом конкретной глагольной системы в «повторяющемся» процессе образования нового «сильного» перфектива. В результате, при анализе конкретных глагольных систем как старый, так и новый перфектив могут рассматриваться в качестве членов бинарной аспектной оппозиции. Этот выбор определяет статус третьего аспекта, т. е. «лишнего» в рамках строго бинарного подхода, принятого последователями Ресслера.

Представленную здесь трехчленную реконструкцию можно сопоставить с типологической видовременной моделью, предложенной Дж. Байби и О. Далем [Bybee, Dahl 1989] на основе статистических данных по многим языкам мира.

Эта модель включает три члена, образующих две бинарные оппозиции. Основное различие этих моделей заключается в диахронической интерпретации. Согласно модели Байби и Даля имперфектив в дальнейшем разделяется на прошедшее время и не-прошедшее, тогда как перфект (являющийся по этой схеме темпоральной формой) рассматривается как отдельная, преимущественно перифрастическая категория, часто используемая в качестве основы для образования перфективного аспекта. Таким образом, согласно этой модели весь процесс развивается в противоположном направлении по сравнению с нашей реконструкцией.

Какие выводы можно сделать из предложенной нами трехчленной реконструкции для внутренней генеалогической классификации семитских языков? Имеются только две крупные изоглоссы, которые можно использовать для этих целей. Первая отделяет аккадский язык от всех остальных семитских языков. В аккадском для образования нового перфектива используется порода *T*. Обе перфективные формы, т. е. префиксальная неполногласная форма ($yV-qtVI$) старого перфектива и новый перфектив на основе породы *T* сосуществуют в аккадском (см., например: [Cohen 1989, 172–176]). Во всех остальных семитских языках новый перфектив образуется на основе суффиксальной спрягаемой формы, соответствующей аккадскому стативу. Можно отметить, что в эфиосемитских языках (например, в тигринья) этот процесс образования нового перфектива повторился еще один раз [Leslau 1941, 81–86].

Вторая изоглосса позволяет объединить центральные семитские языки (северо-западные, т. е. ханаанейские и арамейские, и арабский) в единую группу. Здесь исходный префиксальный имперфектив с полногласной основой ($yV-qVt/tVI$) вытесняется формой старого перфектива ($yV-qtVI$). Этот процесс можно объяснить следующим образом. После того как в этих языках образовался новый перфектив, основное различие между глагольными формами перфекти-

ва и имперфектива стало выражаться оппозицией префиксального и суффиксального спряжений. В этой ситуации различие между префиксальными формами с полной и краткой огласовками глагольных основ потеряло свое значение. В результате форма имперфектива под действием аналогии с формой старого перфектива, сохранившегося в функции юссива (субъюнктива), утратила апофоническое 'a' в основе. Следы прежней перфективной семантики префиксальных форм юссива сохранились в древнееврейском, арабском и классическом эфиопском [см. Diakonoff 1988, 88–89]. По всей вероятности, ЭЮА также относится к центральной группе, поскольку пока нет никаких данных в пользу предположения о существовании в этих языках префиксального спряжения полногласных глагольных основ [Avanzini 1991; Appleyard, in press].

Что же касается СЮА, то в этих языках сохраняется форма полногласного префиксального имперфектива, а также и форма неполногласного префиксального старого имперфектива в функции юссива/субъюнктива. Это безусловно является архаизмом, унаследованным от протосемитского состояния, поэтому не может служить основой для классификационных выводов. Поэтому очевидно, что даже если удастся обнаружить данные, свидетельствующие о наличии в ЭЮА полногласных префиксальных форм, это не станет аргументом в пользу гипотезы об особой генетической близости современных и эпиграфических языков Южной Аравии.

Имеется также проблема геминации второго корневого согласного в полногласных префиксальных формах имперфектива в аккадском и эфиосемитском при ее отсутствии в СЮА. Этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения. Отметим лишь, что по нашему мнению эта геминация вторична. Однако даже в этом случае сложности с СЮА остаются, поскольку очень трудно решить, сохранили ли современные южноаравийские языки первоначальное состояние

или утратили геминацию, как это произошло в амхарском и других южных эфиосемитских языках.

Проведенный анализ свидетельствует, что единственный обоснованный вывод касательно их генеалогического статуса в рамках семитских языков состоит в их противостоянии аккадскому вместе со всеми остальными семитскими языками. Возможным исключением здесь может оказаться эблаитский язык, проблема генетического статуса которого остается неясной. (Что касается аспектной системы, то в эблаитском, видимо, представлены как старый префиксальный перфектив аккадского типа, так и новый суффиксальный перфектив, как во всех остальных семитских языках.) Во всяком случае нет оснований для дальнейшего объединения СЮА с какими-либо подгруппами семитских языков, в том числе с ЭЮА или эфиосемитскими.

Литература

- Дьяконов И. М., Порхомовский В. Я.* О принципах афразийской реконструкции // *Balkanica*. Лингвистические исследования. М., 1979.
- Наумкин В. В., Порхомовский В. Я.* Очерки по этнолингвистике Сокотры. М., 1981.
- Порхомовский В. Я.* Семито-хамитские и чадские аспектные оппозиции // *Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты*. Лингвистика. М., 1996.
- Юшманов Н. В.* Данные Френеля о южно-арабском наречии эхкили // *Академия наук СССР. Азиатский музей. Записки коллегии востоковедов* 5. М., 1930.
- Appleyard D. L.* In press. Ethiopian Semitic and South Arabian: Towards a Reexamination of a Relationship. *Israel Oriental Studies* 16.
- Avanzini A.* Linguistic Data and Historical Reconstruction: Between Semitic and Epigraphic South Arabian // *A. S. Kaye (ed.) Semitic Studies in Honour of Wolf Leslau*. V. I. Wiesbaden, 1991.
- Bybee J. L., Dahl O.* The Creation of Tense and Aspect Systems in the Languages of the World. *Studies in Languages* 13–1. 1989.
- Carter H. J.* Notes on the Mahra Tribe of Southern Arabia, with a Vocabulary of their Language to Which Are Appended Additional Observations on the Gara tribe. *JRAS, Bombay Branch*, 2. 1847.